

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Алла Архангельская (Оломоуц)

Абстракт:

Статья посвящена проблемным вопросам, касающимся методологии сопоставительного изучения динамических процессов в современных славянских языках в эпоху глобализации и влияния их результатов на язык и коммуникацию. Материалом исследования стали словообразовательные неофеминативы украинского, русского и чешского языков.

Ключевые слова: динамический процесс, тенденция, система и структура языка, коммуникация, лингвистическое прогнозирование, лингвоэкология.

On the Question of Methods of Comparative Linguistic Description of the Dynamic Processes in Contemporary Slavic Languages

Abstract:

The article is devoted to problem issues regarding the methodological approach to the comparative study of dynamic processes in the modern Slavic languages in the era of globalization and the impact of their results on language and communication. Research material contains new word-formative female nominations of the Ukrainian, Russian and Czech languages.

Key words: dynamic process, trend, the system and the structure of language, communication, linguistic forecasting, linguoecology.

Изучение динамических процессов, происходящих в современных славянских языках, становится не только одним из наиболее популярных в лингвистической славистике, но и наиболее востребованным, о чем свидетельствует огромное количество специальных исследований конца XX – начала XXI ст. (статей, диссертационных работ, монографий, сборников научных конференций), посвященных, в частности, вопросам лексической и словообразовательной динамики отдельных славянских языков¹. В то же

¹ Назовем лишь некоторые: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Под ред. Е. А. Земской. Москва, 1996; Кронгауз, М.: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва, Языки русской культуры, Знак, 2008; Магомадова, Х.: *Инновации*

время большинство работ сопоставительного характера ориентируются на несколько конкретных языков² или же изучают динамику одного языка на фоне аналогичных явлений в других славянских языках³. Нельзя не признать, что такие исследования зачастую существенно отличаются по своим методологическим и методическим приоритетам⁴. Все они ориентируются

-
- в словарном составе современного русского языка: *Конец XX – начало XXI вв.* Махачкала, 2005; Валгина, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке.* Москва. Логос. 2003; Гочев, Г. Н.: *К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике.* In: Мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 2007. Т. 3, 59–64; Клименко, Н. Ф., Карпіловська С. А., Кислюк Л. П.: *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі.* Київ, Вид. Дім Д. Бурого, 2008; *Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках.* Дніпропетровськ, Нова ідеологія, 2011; Карпіловська, Є.: *Нова Україна у словотвірній номінації: зміни у мовному «кресленні» світу.* In: Відображення історії та культури народу у словотворенні. Київ, Вид. Дім Дмитра Бурого, 2010, 91–109; Стишов, О.: *Українська лексика кінця XX століття (на матеріалі мови засобів масової інформації).* Київ, Вид. центр КНЛУ, 2003; Danes, F. a kol.: *Český jazyk na přelomu tisíciletí.* Praha 1997; Janovec, L.: *K projevům jazykových vývojových tendencí v současné češtině.* In: *Naše řeč* 90, 2007, č. 2, 57–68; Martincová, O. a kol.: *Neologizmy v dnešní češtině.* ÚJČ AV ČR, Praha, 2005; Buzássyová, K.: *Vývinové tendencie a zmeny v slovnej zásobe slovenčiny (1945–1995).* In: *Studia Academica Slovaca* 29, Veda, Bratislava 2000; Федоришин, О. Б.: *Динамічні процеси в хорватській лексичній 90-х років XX – початку XXI століття (на матеріалі мови засобів масової інформації).* In: *Вісник ЛНУ, Серія філологічна* 40. Львів, 2007, 113–119.
- ² Zemskaĵa, E., Ermakova, O., Rudnik-Karwatowa Z.: *Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia.* In: *Slavia* 68, 1999, 9–18; *Słowotwórstwo/Nominacja* (Red. nauk. I.Ohnheiser). Innsbruck, Opole, 2003; Нецименко, Г.П.: *К вопросу о динамике современной литературной нормы (на материале сопоставления русского и чешского языков).* In: *Литературные языки в контексте культуры славян.* Москва, 2008, 239–285; Маркова, Е.: *Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского).* In: *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Любачевского*, 6(2), 2011, 404–408; Gazda, J.: *Integrační tendence v oblasti tvoření slov v současných slovanských jazycích (se zvláštním zřetelom k situaci v ruštině a češtině).* In: *Integrace v jazycích a jazyku v integraci.* Praha, Lidové noviny, 2010, 83–98.
- ³ Клименко, Н. Ф., Карпіловська, С. А., Даниленко, Л. І.: *Динаміка словникового складу сучасної української мови на тлі міжслов'янських паралелей.* In: *Мовознавство*, 2003, N 2–3, 96–111.
- ⁴ Нецименко, Г. П.: *Тенденции языковой экономии как фактор динамики литературной нормы в славянских языках.* In: *Славянские языки и культуры в современном мире.* Москва 2009, 117–118; Neščimenko, G.: *Význam srovnávacího výzkumu příbuzných jazyků při zjišťování inováčních proměn dobové spisovné normy.* In: *Užívání a prožívání jazyka.* K 90. narozeninám F. Daneše. Praha, Karolinum, 2010, 321–326; Jedlička, A.: *Vývojové procesy a synchronní dynamika jazyka v konfrontačním osvětlení.*

на синхронную динамику, однако, по справедливому замечанию Й. Газды, в рамках отдельных национальных языкознаний и между ними существуют заметные расхождения как в понимании самой синхронной динамики, так и в приемах лингвистического описания языковых явлений с этой точки зрения (Газда, 2001, 27).

Именно различия в подходах к анализу динамических процессов, происходящих в современных славянских языках, стали предметом исследования в данной статье. Известно, что угол зрения на проблему в значительной мере определяет и результаты исследования, и выводы, к которым приходит автор. Стимулом к написанию статьи стала общая тональность сопоставительных исследований языковой динамики славянских языков на рубеже тысячелетий. В период существенных тектонических сдвигов в языковых системах славянских языков, прежде всего в сфере лексики и словообразования, большинство ученых ставит перед собой задачу описать, понять и объяснить динамику языка в определенных его сферах, что вполне объяснимо. Факторы языковой динамики обычно понимаются как стимулы к развитию и обогащению языка, как явления, способствующие языковому развитию, как движущие силы языкового прогресса.

Однако все, кто внимательно изучал динамику языка в контексте глобализации и демократизации отдельных современных языковых обществ, не могут не признать: динамические процессы в значительной мере разнородны, зачастую противоречивы, а их влияние на систему и структуру языка и проблемы коммуникации далеко не всегда может оцениваться как однозначно положительное (Таран, 2010, 144–149). То, что происходит на языковой арене на рубеже тысячелетий, может иметь далеко идущие последствия не только относительно языкового портрета Европы и всего мира, но и самих языков, прежде всего их национально-культурной идентичности. «Праздник вербальной свободы» может закончиться карнавалом, где лица каждого уже не разглядеть. С другой стороны, далеко не все проявления языковой динамики содержат в себе потенциальную угрозу для организма языка: большинство из них способствуют его оздоровлению и полноценному развитию. Поэтому чрезвычайно важными составляющими интраязыкового и интерязыкового исследования становятся не только систематизация фактов, их лингвистическое описание, анализ, обобщение, но и взвешенная оценка явления с учетом его идентификации относительно структуры языка и способов употребления и, что наиболее важное и сложное в данной ситуации, – прогнозирование возможного влияния реальных проявлений динамических тенденций на язык и коммуникацию в целом.

In: Jazykovedný časopis 32, 1981, s. 107–116; Kořenský, J.: *Metodologické problémy porovnávání vývoje a synchronní dynamiky současných slovanských jazyků*. In: *Slavia* 67, 1998, 99–106.

Описывая проблемные проявления языковой динамики, исследователю чрезвычайно сложно воздержаться от оценочных суждений, сохранить объективный взгляд на вещи, построить изложение по принципу *sine ira et studio*, без гнева и предубеждений. Выходов из ситуации ученые видят два. Первый – вообще воздержаться от попытки объективно проанализировать современное состояние вещей, дать процессам отстояться и тогда спокойно описывать их результаты. Этот выход имеет свои плюсы, не говоря уже о том, что является более безопасным. Второй требует прежде всего выработки адекватного метода описания таких явлений (Яворська, 1999, 201), ведь наука не может двигаться вперед, исходя из субъективных суждений или личных предубеждений исследователей относительно того, какие реальные последствия то или иное проявление языковой динамики (дестандартизации, субстандартизации, терминологизации, детерминологизации, неологизации, неофеминизации, глобализации (интернационализации) и др.) имеет уже сегодня и какое может иметь в будущем. Осознавая чрезвычайную сложность сопоставительного изучения языков, при котором один из языков всегда оказывается для исследователя родным, не можем не привести в оригинале чрезвычайно емкое замечание чешского лингвиста Й. Марвана: *I náš největší humanista Viktorin Kornel ze Všehrd, chloubou konce českého středověku, připouští, že kritérium srovnání s jinými jazyky nemůže být úplné, neboť člověk, „milostí svého jazyka pojat jsa...“, má již zcela jiná, Nečechům nepřístupná hlediska, která se zřejmě vymykají našemu mimojazykovému nazírání (Marvan, 2008).*

Каждый исследователь понимает: любое проявление языковой динамики не гомогенно, оно представляет собой сложную мозаику, состоящую из отдельных фрагментов, имеющих свою специфику проявлений и развития, по-разному соотносящихся друг с другом в границах общего процесса, зачастую противоречащих друг другу. Но, взятые в комплексе противоречий, взаимосвязей и взаимозависимостей, эти фрагменты обеспечивают возможность максимально объективного лингвистического описания. Сложным комплексом факторов определяется в таком случае и выбор методологических подходов к сопоставительному анализу таких фактов на материале нескольких языков.

Объектом размышлений в статье станет анализ возможных подходов к анализу и оценке процесса словообразовательной феминизации в современных славянских языках (русском, украинском и чешском) в сопоставительном плане. Интересно, что этот процесс как тенденцию в словообразовании тех языков, где он протекает особенно очень бурно, – в русском и украинском, выделяют далеко не все исследователи. Не называют такие процессы в числе активных на современном этапе Е. А. Земская (Земская, 1996, 90–141), М. Кронгауз (Кронгауз 2009), авторы коллективной моногра-

фии «Русский язык конца XX ст. (1985–1995) (Производство нарицательных имен лиц)», 1996, 103–107). Лишь бегло о нем упоминает Н. С. Валгина (Валгина, 2001). Не представлена словообразовательная феминизация как активный процесс и в коллективной монографии украинских исследователей «Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі» (Клименко, Карпіловська, Кислюк, 2008). Возможно, ученые относят ее к периферийным проявлениям языковой динамики, однако огромное количество работ, посвященных этой проблематике как на материале русского (Т. Е. Ерофеева, В. А. Ефремов, О. П. Ермакова, И. А. Морозова, И. В. Баданина, О. Л. Дмитриева, Г. В. Бортник, Л. И. Коновалова), так и украинского языков (А. М. Нелюба, А. Д. Пономарив, А. А. Тараненко, Я. В. Пузиренко, Л. В. Бритикова, Т. Ю. Мороз, М. Д. Гинзбург, И. М. Грабовская, Е. П. Синчак, И. С. Воловенко) (см. Библиографию в книге Архангельская, 2011, 273–316), основанных на реальных языковых фактах, служит подтверждением чрезвычайно высокой ее активности. В то же время в современном чешском языке Я. Губачек определяет феминизацию как процесс естественный и стабильно актуальный, но не актуализированный в новых условиях (Hubáček, 1996, 271–273, см. также Архангельська, 2012, 48–52). Сопоставительному анализу процессов феминизации в русском, украинском и чешском языках посвящена специальная монография (Архангельская, 2011). Мы же хотим остановиться на основных подходах, потенциально возможных с целью комплексного сопоставительного анализа этого явления.

Прежде всего, определим объект исследования. Под *феминативами* в языкознании традиционно понимают существительные женского рода со значением лица, образованные от соответствующих наименований мужского рода со значением лица (т. н. маскулинизмов) путем мовирования (přechylování). Зачастую современные феминативы становятся альтернативами нормативным языковым обозначениям женщины статусного типа – по профессии, роду занятий, социальному статусу и т. п. (рус. *режиссерша, банкирша, интервьюэриша, министерша, психоаналитичка, теоретичка, топографиня, филологесса*, укр. *мовознавка, прем'єрка, теоретикиня, мовчиня, філологиня, доктореса, педагогиня, професориця, виступантка*, чеш. *pediatra, strážkyně (strážnice), farářka, sládková, lídryně, radová* и под.). *Феминизация* – понятие более широкое, поскольку включает использование (вместо традиционно нормативных) и иных, не только словообразовательных, средств языковой идентификации женщины. К примеру, в чешском языке можно говорить о синтаксической феминизации – предложенных представительницами феминистской лингвистики согласовательных конструкциях, призванных непременно идентифицировать женский пол объекта: *Pozornost má zaručeně žertěř/ka, který/á do obálky s adresou ministra/ministryně nasype třeba prášek do pečiva... Pokud se pak příliš nechlubí, sotva bude*

vypátrán/a. Феминизация в изучаемых языках имеет и иные проявления, но мы сосредоточимся на словообразовательной подсистеме языка относительно ее феминизации⁵ и попытаемся показать, по какому пути можно направить сопоставительное исследование в трех славянских языках, чтобы результаты его были максимально объективными и идеологически непредвзятыми.

Любое сопоставительное исследование предполагает **общую исходную направленность сопоставления**. Р. Штернеманн считает, что магистральных подходов при сопоставлении может быть два. *Односторонний подход* ориентируется на изучение одного языка (языков) как целевого на фоне другого, исходного, который определяется в таком случае как язык-эталон. *Двусторонний (многосторонний) подход* предполагает сопоставление явлений двух и более языков в их взаимоотношении и соразмеряет их на контрастивной основе (Штернеманн, 1989, 144). При таком подходе ни один язык не рассматривается в зеркале другого, не приобретает статуса языка-эталона, не исползуется т. н. «челночная процедура», ни одному из языков не отдается предпочтение – все языки рассматриваются как равноценные.

В обоих случаях исследование предполагает четкое определение параметра сопоставления – **tertium comparationis**. При одностороннем подходе таким параметром выступает исходный язык-эталон, при многостороннем – т. н. «третий член», внеязыковое понятие, не принадлежащее ни к одному из сопоставляемых языков явление, дедуктивно сформулированное метаязыком, и через него прослеживаются способы выражения чего-либо в конкретных языках. Им обычно становится какая-либо понятийная vs. лексико-грамматическая (семантико-грамматическая) категория, функционально-семантическое поле, концепт, модель ситуации, целостного текста и т. п. При многостороннем подходе, таким образом, осуществляется поиск языковых средств выражения *tertium comparationis* в сопоставляемых языках (Кочерган, 2006, 79–85). Кроме того, при таком анализе важным становится соблюдение определенных принципов сопоставительного исследования: принципа системного подхода, принципа опоры на содержательную основу сопоставляемых явлений (семантический принцип), принцип учета функциональных особенностей сопоставляемых единиц (Кочерган, 2006, 85–92).

Вполне логичным в нашем случае видится использование многостороннего подхода к сопоставлению. В качестве *tertium comparationis* целесообразно избрать понятие «**тенденция**». По мнению И. Онхайзер, оно оказы-

⁵ Вопрос динамики этого явления рассматривает в многочисленных работах последних лет на материале русского и чешского языков Г. П. Нешименко (Нешименко, 2003, 2006, 2008, 2009). Системные сопоставительные исследования словообразовательной феминизации на материале русского и украинского, украинского и чешского языков нами не обнаружены.

вается удобным не только за счет его отстранения от конкретных языковых фактов или фактов конкретного языка, но и за счет своей процедурной гибкости, поскольку его применение даст возможность избежать наложения схемы описания одного языка на другой (Ohnheiser, 2003, 22). Тенденция как *tertium comparationis* целесообразна как для описания разнонаправленных процессов развития в границах системы одного языка, так и при сопоставительном исследовании. Тенденция позволяет не только определить характер проявлений динамических процессов, состав включенных в нее средств, но и установить регуляторы (языковые и внеязыковые) сосуществования в лексиконе вариантных номинаций, конкурентоспособность определенных типов и факторы, обеспечивающие равновесие в лексиконе, устойчивость в языковой деятельности общества. Украинские исследователи (Клименко, Карпіловська, Кислюк, 2008, 94–95) вполне справедливо замечают: в современном языкознании нет общепринятого взгляда на понятие «тенденция» как с точки зрения объема самого понятия, так и относительно спектра проявлений определенных тенденций (системно-структурных и коммуникативных), а также хронологии изучения их действия (см., к примеру, Kořenský, 1998, 22).

Тенденцию обычно определяют через понятие синхронной динамики: термин «тенденция» есть основное понятие синхронного исследования языка, которое отражает его динамику на определенном отрезке времени (Ohnheiser, 2003, 19). С другой стороны, тенденцию можно понимать и как стабильный, системный характер «направленности языковых процессов и изменений, которые происходят в форме закреплений инноваций или отстранения устаревших языковых единиц, конструкций, норм» (Гутшмидт, 1998, 17), как конкуренцию в проявлении тех или иных изменений. Таким образом, в понимании тенденции следует четко различать *системно-структурную тенденцию*, внутренне свойственную языку на различных этапах его развития, и *актуальную функционально-коммуникативную*, которая в начале всегда ограничена определенными временными рамками и далеко не всегда способна перерасти в системно-структурную.

При изучении актуальной функционально-коммуникативной тенденции ученые ориентируются на подход к анализу с точки зрения синхронной динамики языка. При изучении системно-структурной тенденции синхронно-динамического вектора оказывается недостаточно, здесь рационально избрать **принцип панхронии**, предложенный В. Н. Телия (Телия 1996). Такой взгляд ретроспективен, историчен и предполагает учет культурной составляющей данного языкового явления. Сопоставляя тенденции развития существительных женского рода со значением лица в русском и чешском языках, Г. П. Нешиченко утверждает, что здесь в современных славянских языках наблюдается конвергентное развитие, а общая направленность

эволюции деривационных систем является однонаправленной. Различия состоят в том, что феминизационные процессы в русской словообразовательной системе по сравнению с чешской развиваются с известным запозданием – просто не протекают с одинаковой скоростью. В русском языке в целом феминативы оказывают положительное влияние на языковую ситуацию как явление, принадлежащее к магистральным номинативным потокам нового времени, в котором «закономерности деривационной системы проявляются вполне отчетливо» (Нещименко, 2008, 262–270).

Однако в данном случае мы имеем тенденции различного характера: в чешском языке образование и употребление феминативов – явление регулярное, это устойчивая системная закономерность, отклонения от которой исключительны. Феминизация маскулинизмов в чешском языке – стабильная тенденция системно-структурного характера, глубоко укоренившаяся в культурно-языковом сознании носителей языка. В русском языке это тенденция иного характера. Она относится к собственно динамическим в сфере функционирования языка, к тенденциям, развивающимся по принципу «пиков» под влиянием прежде всего стимулов нелингвального (социального) характера. Норма русского языка предполагает образование феминативов от соответствующих маскулинных наименований только в 40 % случаев, в остальных их появление тормозит целый ряд факторов сдерживающего и ограничивающего характера, прежде всего, семантическая, прагматическая и стилистическая неравнозначность коррелятивных мужских и женских наименований со значением лица (ср. рус. *секретарь* – *секретарша*, *профессор* – *профессорица*, укр. *математик* – *математичка*, *політолог* – *політоложка*). Заметим, что в чешском языке такие пары практически всегда равнозначны. Тенденция форсированной феминизации в русском языке уже имела место в иной период бурных социальных изменений – в 20–30 годы прошлого века (см. Янко-Триницкая 1966), но феминизирующие «закономерности деривационной системы» не способствовали ее перерождению в системно-структурную. В результате конкуренции тенденций к феминизации (мовированию) и маскулинизации (употребления для обозначения женщины маскулинизма в генерализирующей функции) в русском языке победила маскулинизация. Есть ли достаточные основания в данном случае говорить о конвергенции?

Подобные явления следует рассматривать в панхронии еще по одной причине: ретроспектива и исторический подход к фактам даст возможность определить истоки явления и то, в какой мере оно может считаться внутренним, системным, исконно свойственным структуре того или иного языка. И Г. П. Нещименко, и А. М. Нелюба, считая процесс феминизации маскулинизмов естественным проявлением внутренних ресурсов языка, настаивают: это явление в русском и украинском языках сдерживалось искусственно.

Однако характер сдерживающих факторов в видении ученых оказывается разным: если в русском языке это факторы исключительно языкового плана (маскулинная словообразовательная и стилистическая норма, засвидетельствованная во всех словарях и грамматиках), то в украинском – это давление нормы русского языка и – шире – последствия коммунистического режима, спровоцировавшего негативное влияние русского языка на украинский, в частности, насильственное выхолащивание фемининных словообразовательных парадигм.

А. М. Нелюба категорически отмежевывает бурную феминизацию маскулинизмов в украинском языке нового времени от новомодных феминистических веяний (Нелюба, 2011б, 49–58). По его убеждению, категория фемининности – это возрожденная в новой Украине словообразовательная категория, представляющая собой актуализацию внутренних, исконно свойственных системе украинского (в отличие от русского) языка ресурсов, которые долгое время пребывали под жестким «запретом». Наша попытка найти подтверждение тому, что феминизация является внутренним, системным явлением языковой системы украинского языка и действительно требует возрождения (при этом были использованы исследования по историческому словообразованию, словари украинского языка и иные кодификационные источники, начиная с XX в., в том числе и грамматики «запрещенных» в свое время авторов), не дала положительных результатов (Архангельская, 2011; Архангельська 2011). Примечательно, что украинские сторонники феминизации призывают возродить ее в противовес русскому языку, понимая такое возрождение как попытку отмежеваться от недружественного в этом отношении языка и культуры, в которой социальный статус женщины всегда был существенно ниже, чем в украинской. Сопоставительное изучение явлений феминизации в русском и украинском языке показало: эти процессы идут практически параллельно, «в ногу», по пути либерализации словообразовательной нормы относительно феминативов статусного типа и конкурирования многочисленных вариантных словообразовательных номинантов (Архангельская 2011).

Важным в этой связи оказывается и учет взаимодействия **стимулов активизации тенденции** словообразовательной феминизации в разных языках. В чешском языке словообразовательная феминизация развивается плавно, поступательно, по своим языковым правилам. В русском и украинском явлении словообразовательной феминизации напоминает вулкан – его активность то пробуждается, то затухает. С начала 90-х годов оно активизировалось под влиянием общих процессов демократизации и глобализации, изменения статуса женщины в современном обществе, а также определенных «зон напряжения» словообразовательной системы. В украинском языковом коллективе, в отличие от русского, на словообразовательную

феминизацию чрезвычайно существенно влияние национально-языкового пуризма.

Оценка феминизации как безусловно активного процесса в современной коммуникации будет в значительной мере обусловлена **углом зрения**, под которым ученые ее интерпретируют. В данном случае возникает серьезное противоречие в интерпретации и оценке этого явления при его анализе под системно-структурным и социолингвистическим углом зрения. Социолингвистика, ставя во главу угла коммуникативную ценность феминизированных маскулинизмов как компактных, экономных, более удобных в общении образований, воспринимает новый (или возвращенный из пассивного словаря) феминатив как инструмент, знак, коммуникативное средство технического характера. Из такого подхода вытекает доминирование критерия функционального, инструментального (адекватность требованиям времени) по отношению к системному, который превращается в подчиненный, секундарный.

Понятно, что норма разговорного стиля для словообразовательных феминативов наиболее «открыта». «Закрытой» она является в норме книжных стилей, тем не менее феминативы уже сегодня и в русском, в украинском языке, ломая все преграды, активно проникают и в научный, и деловой стили, где понятие литературной нормы пока еще остается ключевым. Более чем активно они транслируются и языком масс-медиа, который, несмотря на бóльшую его «открытость» разговорным, экспрессивным, прагматически и стилистически маркированным средствам языкового выражения, все же тяготеет к литературной норме. Функционирование литературного языка требует институциализации данного средства коммуникации, которая связана с возможностью его перехода из субстандарта в стандарт, с соответствием его системе и структуре языка, его рефлексиями к динамическому равновесию в языковой системе, приемлемостью относительно нормы литературного языка. Тогда на первом месте окажется критерий системности (по отношению к двум остальным критериям функциональной адекватности и общеупотребительности (привычности) для данного коллектива говорящих). То, что с социолингвистической точки зрения безусловно «хорошо», с системно-структурной может оказаться «плохо».

Социолингвистика утверждает: повышенная частотность использования феминативов в языке СМИ способствует возрастанию их социолингвистического статуса, укреплению позиции в конкуренции с адекватными литературными аналогами. Они удовлетворяют коммуникативные потребности общества, расширяют возможности словотворческого экспериментирования, поиска необходимого вербального решения, стимулируют продуктивные неологические процессы, более экономные способы номинации

(Нещименко, 2008, 262). Остается надеяться, что этот тренд будет усиливаться и в других славянских языках (Нещименко, 2010, 324).

А. Нелюба, отрицая тезис о словообразовательной недостаточности на этом участке словообразовательной системы, ставя во главу угла необходимость возродить скрытые внутренние ресурсы родного языка, коренным образом отличающие его от русского, настаивает: никаких системно-структурных препятствий для словообразовательной феминизации в украинском языке нет. Единственный естественный ограничитель – неактуальность референта. Феминативы – проявления имплицитной экономии в языке (Нелюба, 2011в, 63). Вдохновленный благой целью вывести женское словообразование из зоны диктата русского языка как «элитного», «продвинутого» и противопоставления его украинскому как языку «сельскому», «хуторянскому», ученый не видит ничего странного в неофеминативах типа *нардєнка, авторкиня, мовлянка, політоложка, критикеса, критичка, теоретикиня, політичка*, настаивая на их праве на жизнь в возрожденном украинском языке новой, независимой Украины.

Подход к анализу феминных новообразований с точки зрения *системно-структурной* дает прямо противоположные результаты (Архангельська 2011). Несмотря на то, что такие единицы образуются по регулярным словообразовательным моделям с использованием наличествующих в языке феминизирующих формантов (хотя и с существенным изменением продуктивности некоторых из них), заполняя собой словообразовательные лакуны, они вступают в существенное противоречие с мофонематическими, стилистическими, семантическими особенностями организма украинского языка. Кроме того, следует помнить и о результативном критерии (И. Улуханов): слово может быть образовано «по правилам», но результат не согласуется с ожиданиями. Слово получается неестественным, «деланным», неэстетичным, корявым, труднопроизносимым. И самое важное: в русском и украинском языках, в отличие от чешского, производные феминативы статусного типа практически всегда отягощены мощным семантико-прагматическим ореолом, что противоречит самому языковому статусу словообразовательной феминизации на этом участке системы.

В этой связи заметим: для носителя чешского языка, где феминизация маскулинизмов – явление системное, регулярное, привычное, подкрепленное многовековой культурно-языковой традицией их образования и употребления, в наименованиях женщины типа рус. *теоретичка, социологиня, политологша, геологиня, профессорша*, укр. *мерка, критичка, політикиня, канцлерка, канцлериня, прем'єр-міністерка* нет ничего из ряда вон выходящего. Как тут не вспомнить народную мудрость: *Что русскому хорошо, то немцу смерть...*

Важная задача современной лингвистики, в том числе и сопоставительной, – найти решение, как преодолеть **противоречие между интерпретацией и оценкой** феминизации «глазами» лингвистической теории с ее вниманием к системе и структуре языка, норме, которая «вырастает» из языковой системы, а не навязывается кем-либо по каким-либо благим или злым соображениям; социолингвистики с ее вниманием к актуальным потребностям современной коммуникации и «гласом народа» – мнением общественности об определенном языковом явлении. «Строгая языковая регламентация свойственна скорее тоталитарным режимам, – пишет П. Селгей. – Либеральное общество предлагает носителю языка максимальное «количество» свободы – пусть сам выбирает слова и выражения, которые ему больше по душе» (Селгей, 2007, 17).

По поводу учета или неучета **«гласа народа»** в данном случае – мнение крайне противоречивое. В одной из своих работ А. Едличка пишет: решение в таком случае следует связывать со спецификой конкретных языковых ситуаций, учетом обобщенного отношения специалистов в области лингвистики (лишь в некоторых случаях – более широкого круга образованной общественности) к данной языковой реальности, особенно с точки зрения ее отношения к проблемам языковой культуры (Jedlička, 1981, 112). Вспомним в этой связи и концепт минимальной языковой интервенции В. Цврка, который настаивает: языковое исследование должно опираться исключительно на объективную реальность языка; лингвист должен полностью дистанцироваться от непрофессиональных мнений пользователей языка и общественного мнения как такового (Cvřek, 2008). С другой стороны – убеждение Ф. Данеша, С. Чмейрковой и др. в том, что исследователь обязательно должен учитывать восприятие (*vnímání jazyka*) и ощущение языка говорящими на нем (*prožívání jazyka*, о котором писал еще в 1948 году Б. Трка), и что такой подход имеет будущее (Čmejrková 2010, 297; Daneš 1999, 254). Однако в последнее время многие ученые и простые граждане с надлежащим филологическим образованием просто недоумевают: почему в народе укоренилось представление, что рассуждать и писать о вещах, касающихся языка, может любой, причем не утруждая себя необходимостью как следует разобраться в вопросе? Снова имеем противоречивую ситуацию: исследование, строящееся на приоритете языка, воспринимает человека и его отношение к языку как дестабилизирующий элемент, исследование, опирающееся на приоритет коммуникации – напротив – как ключевой момент, точку отсчета, из которых следует исходить.

В данном случае при оценке языкового факта важно учитывать **преобладающее** в культурно-языковом сообществе **отношение к языку**: *рациональное* (инструментальное понимание языка как средства общения, оценка его средств по критериям приемлемости и адекватности выполняемым

функциям, соблюдение коллективных языковых норм) или *иррациональное* (восторженное отношение к языку как чуду, богоданному, уникальному знаку, символу национальной идентичности; традиционалистский подход к языку, определенный изоляционизм, пуризм и под.). И первое, и второе отношение бесспорно связано со статусом языка на данном этапе его развития как языка с сильной/слабой социолингвистической позицией (В. А. Ткаченко). Рациональное отношение к языку будет преобладать среди носителей языка с сильной социолингвистической позицией, иррациональное (эмоциональное) – со слабой. Напряжение между этими отношениями Ф. Данеш решает в пользу рационального (Daneš, 1999, 254). Обывательское общественное мнение попадает, таким образом, в сферу с доминированием иррационального. Поэтому, по мнению ученого, учитывать общественное мнение нужно не относительно явления как такового вообще, а привязывать его к реальным коммуникативным ситуациям.

Еще один важный момент: **особенности проявления общественного мнения в различных лингвокультурах**. Если среди чехов, понимающих свободу как дискуссию, любое нововведение относительно феминизации их языка вызывает настоящую бурю споров, к обсуждению результатов «гендерно чувствительного реформирования языка» подключаются и академическое сообщество, и журналисты, и представители профессий, названий которых коснулась феминизация, и рядовые носители языка (см. Архангельская, 2011, 235–265; 302–316), то у представителей русских и украинских лингвокультурных коллективов форсированная феминизация особых эмоций не вызывает – других проблем достаточно. Феминистски или национально настроенные представители академического сообщества и коллектива говорящих, наоборот, возмущены отсутствием феминизации (каждый по своим ссображениям), остальная часть населения включается в дискуссию разве что на форумах. Жаль, что по поводу оценки этого явления в русском и украинском языке пока молчит академическая наука.

Еще одним чрезвычайно важным моментом сопоставительного анализа динамики славянских языков на рубеже тысячелетий нам представляется **учет культурно-языковой традиции** употребления словообразовательных феминативов в контексте общих процессов глобализации и интеграции. Каждое языковое явление тесно связано с историей развития национального языка и традициями народа, говорящего на нем. Оно – важный элемент национально-языковой идентичности. В этой связи нельзя не вспомнить мудрые слова П. Фиделиуса: «скромное предложение немного изменить языковую традицию» – бессмыслица, так же, как и попытка перенести культурно-языковую традицию с одного языка на другой, какой бы привлекательной она нам ни казалась и как бы нам этого не хотелось (Fidelius 2008).

Всегда ли глобализация, интеграция, конвергенция в отношении языков на пользу каждому конкретному языку?

Как видим, и в ходе нашего исследования открытых вопросов оказалось значительно больше, чем ответов на них. С каких позиций ученый должен подойти к сопоставительному описанию динамических процессов в славянских языках, чтобы, как можно более полно, комплексно, непротиворечиво проанализировав ситуацию, взяв во внимание максимальное количество несогласующихся друг с другом объективных языковых и неязыковых фактов и факторов, их взаимосвязей и взаимозависимостей, онтологию и специфику бытия данного явления в конкретном языке как факте культуры и славянском ареале, получить максимально приближенный к реальности «групповой языковой портрет» с учетом ближних и дальних его планов? Как построить сопоставительное исследование, чтобы избежать поспешных, далеко идущих, но недостаточных не подкрепленных фактами выводов? Еще более сложной задачей оказывается интерпретация и оценка явления, лингвистическая экспертиза и прогнозирование его влияния на язык и коммуникацию сегодня и в будущем. Хочется верить, что в обозримом будущем совместными усилиями ученых ответы на проблемные вопросы сопоставительного изучения языковой динамики будут найдены.

Возможно, решение будет подсказано в границах относительно нового направления лингвистических исследований – лингвоэкологии, которая исходит из ключевого понятия среды обитания языка, изучает взаимное влияние бытия языка, окружающей его среды и человека в ней. Так учитываются все объекты, поскольку они, будучи взаимосвязанными, образуют «экологическую систему» (Бернацкая, 2003; Сковородников 1996). Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. Актуальным для современной лингвистической теории и речевой практики, решающей проблемы экологии языка в том или ином аспекте, является исследования принципов экологичности внутреннего развития и использования языка в разных сферах общения.

Литература:

- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. М.: *Новотвори-фемінативи в українській мові нової доби: неологізми, okazіоналізми чи ефемеризми?* In: Неологічні назви осіб у сучасних слов'янських мовах. Рівне-Острог, Нац. університет «Острозька академія», 2011, 67–122.
- АРХАНГЕЛЬСКАЯ, А.: *Сексизм в языке: мифы и реальность*. Olomouc, UP v Olomouci, 2011.

- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А.: *Нові процеси на номінаційному полі фемінінності в сучасній чеській мові*. In: Актуальні проблеми сучасної філології. Мовознавчі студії 20(2). Рівне 2012, 48–52.
- БЕРНАЦКАЯ, А. А.: *О трех аспектах экологии языка*. In: Вестник Краснодарского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2003, № 4, 32–38.
- ВАЛГИНА, Н. С.: *Активные процессы в современном русском языке*. Москва, Логос, 2001.
- ГАЗДА, Й.: *Некоторые методологические проблемы сопоставительного изучения синхронной динамики современного русского и чешского языков*. In: Русский язык в центре Европы 4. Банска Бистрица 2001, 27–34.
- ГУТШМИДТ, К.: *Общие тенденции и специфические формы их представления в современных славянских языках*. In: Jazykovedný časopis 49/1–2, 1998, 15–26.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А.: *Активные процессы современного словопроизводства*. In: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, Языки русской культуры, 1996, 90–141.
- ИОНОВА, С. В.: *Основные направления эколлингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт*. In: Вестник Волгоградского гос. Университета. Сер. 2. Языкознание. 2010, № 1 (11), 86–93.
- КЛИМЕНКО, Н. Ф., КАРПІЛОВСЬКА, С. А., КИСЛЮК, Л. П.: *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі*. Київ, Видавничий Дім Дмитра Бурого, 2008.
- КЛИМЕНКО, Н. Ф., КАРПІЛОВСЬКА, С. А., ДАНИЛЕНКО, Л. І.: *Динаміка словникового складу сучасної української мови на тлі міжслов'янських паралелей*. In: Мовознавство, 2003, N 2–3, 96–111.
- КОЧЕРГАН, М. П.: *Основи зіставного мовознавства*. Київ, Академія, 2006.
- КРОНГАУЗ, М.: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва, Знак, Языки славянских культур, 2009.
- НЕЛЮБА, А. М.: *«Гендерна лінгвістика» і малопродуктивні словотворчі засоби*. In: Лінгвістика: зб. наук. праць 1 (22). Частина II. Луганськ, ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011а, 135–142.
- НЕЛЮБА, А. М.: *Інноваційні зрушення й тенденції в українському жіночому словотворі*. In: Лінгвістика: зб. наук. праць 2 (23). Луганськ, ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011б, 49–59.
- НЕЛЮБА, А. М.: *Прихована економія в словотвірній системі української мови (найзагальніші зауваги)*. In: Лінгвістичні студії: зб. наук. праць 23, 2011в, 62–67.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П.: *К вопросу о динамике современной литературной нормы (на материале сопоставления русского и чешского языков)*. In: Литературные языки в контексте культуры славян. Москва 2008, 239–285.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П.: *О некоторых тенденциях в образовании существительных в славянских языках (сопоставительное исследование)*. In: Svetat na rečnika. Jubileen sbornik, posveten na 70-godišninata na E. Perniška. Veliko Tarnovo 2006, 231–240.

- НЕЩИМЕНКО, Г. П.: *Тенденции языковой экономии как фактор динамики литературной нормы в славянских языках*. In: Славянские языки и культуры в современном мире. Москва, 2009, 117–118.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П.: *Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы*. In: Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich I. Słowotwórstwo. Nominacja. Opole, 2003, 288–306.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва, Языки русской культуры, 1996.
- СЕЛІГЕЙ, П.: *Що нам робити із запозиченнями?* In: Українська мова, 2007, № 4, 16–32.
- СКОВОРОДНИКОВ, А. П.: *Лингвистическая экология: проблемы становления*. In: Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1996, № 2, 64–69.
- ТАРАН, А.: *Роль запозичень у розвитку сучасної української номінації*. In: Українська філологія: теоретичні та методичні аспекти вивчення. Черкаси 2010, 144–149.
- ТЕЛИЯ, В. Н.: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва, Языки русской культуры, 1996.
- ШТЕРНЕМАНН, Р. (рук.) и кол. авт.: *Введение в контрастивную лингвистику*. In: Новое в зарубежной лингвистике XXV. Контрастивная лингвистика. Москва, Прогресс, 1989, 144–178.
- ЯВОРСЬКА, Г.: *Генеза сучасних проблем нормалізації та кодифікації*. In: Українська мова /Ред. С. Єрмоленко. Opole, Uniwersytet Opolski, 1999, 201–220.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ, Н. А.: *Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода*. In: Развитие словообразования современного русского языка. Москва, Наука, 1966, 167–210.
- ČMEJRKOVÁ, S.: *Postoje k jazyku: výzkumu a interpretace*. In: Užívání a prožívání jazyka. K 90. narozeninám F. Daneše. Praha, Karolinum, 2010, 297–303.
- CVRČEK, V.: *Regulace jazyka a Koncept minimální intervence*. Praha, Lidové noviny, Ústav českého národního korpusu, 2008.
- DANEŠ, F.: *Dialektické tendence ve vývoji spisovných jazyků*. In: Jazyk a text. Výbor z lingvistického díla F. Daneše I. Část 2. Praha, FF UK, 249–263.
- FIDELIUS, P.: *Tedy o tom přechylování*. In: MF DNES, 16. 11. 2008.
- HUBÁČEK, J.: *K tvoření názvů přechýlených*. In: Žena – jazyk – literatura: Sborník z mezinárodní konference. 3–5 září 1996. Ústí nad Labem, 1996, 271–273.
- JEDLIČKA, A.: *Vývojové procesy a synchronní dynamika jazyka v konfrontačním osvětlení*. In: Jazykovědný časopis 32, 1981, 107–116.
- KOŘENSKÝ, J.: *Metodologické problémy porovnávání vývoje a synchronní dynamiky současných slovanských jazyků*. In: Slavia 67, 1998, 99–106.
- MARVAN, J. *Prostor vlastního jazyka*. In: Vesmír 87, 267, 2008/4.
- NEŠČIMENKO, G.: *Význam srovnávacího výzkumu příbuzných jazyků při zjišťování inovačních proměn dobové spisovné normy*. In: Užívání a prožívání jazyka. K 90. Narozeninám F. Daneše. Praha, Karolinum, 2010, 321–326
- OHNEISER, I.: *Цель и концепция тома*. In: Słowotwórstwo/Nominacja. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Uniw. Opolski, 2003. – С. 17–26.